

УДК 408.53

ТРАПЕЗА КАК СИТУАЦИЯ ОБЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВ ПУТЕШЕСТВИЯ И.А.ГОНЧАРОВА “ФРЕГАТ ПАЛЛАДА”)

Машкина Е.Н.

Стаття присвячена дослідженню феномену трапези з погляду комунікації. Робиться висновок про те, що знакова функція трапези має набагато важливіше значення, ніж утилітарна, а спільне прийняття їжі розуміється як засіб зближення і в російській, і в японській культурах.

Ключові слова: комунікативна ситуація, етнокультурний знак, засоби комунікації.

Трапеза как ситуация общения (на материале очерков путешествия И.А.Гончарова “Фрегат Паллада”). Статья посвящена исследованию феномена трапезы с точки зрения коммуникации. Делается вывод о том, что знаковая сторона трапезы имеет значительно большее значение, нежели утилитарная, а совместное принятие пищи осмысливается как способ сближения и в русской, и в японской культурах.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, этнокультурный знак, средства коммуникации.

The article deals with the exploration of meal in terms of communication. It is concluded that signum function of meal is much more important, than its utilitarian function and that joint meal is understood as means of coming closer together both in Russian and Japanese cultures.

Key words: communicative situation, ethnocultural mark, means of communication.

Данное исследование проводится в русле молодой развивающейся науки межкультурной коммуникации. Это направление в науке в разной степени освещается в работах таких ученых, как Э.Сепир, Б.Уорф, Д.Хупс, Д.Хаймс, П.Н.Донец, Н.Л.Грейдина, Д.Б.Гудков, В.В.Красных, В.П.Фурманова, С.Г.Тер-Минасова, О.А.Леонтович, заметим только, что данный список далеко не полон.

Описываемая ситуация общения представляет собой трапезу. Данный термин – *ситуация общения* – видится нам наиболее подходящим, потому что содержит указание на задействование нескольких каналов коммуникации и поэтому может трактоваться достаточно широко. Термин *коммуникативная ситуация* употребляется в данной статье как синоним *ситуации общения*.

П.Н.Донец справедливо отмечает, что “тезис о том, что в коммуникации задействован не только язык, но и другие семиотические системы, является ныне бесспорным” [7, с. 216]

Материалом для данного исследования послужили очерки путешествия И.А.Гончарова “Фрегат Паллада”, а именно главы, посвященные пребыванию русской экспедиции под руководством Е.В.Путятина у берегов Японии. Россия и раньше

проявляла интерес к малоизученной восточной стране, однако самоизоляция Японии, продолжавшаяся до середины XIX века, не позволяла наладить полноценные дипломатические отношения. Вследствие этих обстоятельств первые плодотворные контакты России и Японии датируются только 1884 годом – когда русская экспедиция прибыла к японским берегам. Результатом переговоров стал “Договор о дружбе”, заключенный в 1854 году 21 декабря.

И.А.Гончаров, на тот момент служащий департамента внешней торговли, вошел в состав экспедиции в качестве секретаря адмирала Е.В.Путятина. Посольство прибыло в Японию на трех судах, флагманом которых был фрегат “Паллада”. Именно на “Палладе” путешествовал великий русский писатель И.А.Гончаров. Очерки, написанные в этот период, были названы в честь славного фрегата. Две главы очерков, посвященные пребыванию русских в Японии, послужили, как было указано выше, материалом для нашего исследования.

Языком переговоров между сторонами был голландский язык, который не был родным ни для кого из участников диалога, что, по всей видимости, существенно осложняло процесс коммуникации.

Данный факт оказывает существенное влияние на восприятие коммуникативной ситуации еще и потому, что вводит в нее дополнительных участников коммуникации – переводчиков, что делает ее опосредованной. В таких специфических условиях общения особенное значение приобретает “язык пространства” (термин П.Н.Донец) [7, с. 219], материальная составляющая коммуникативной ситуации, сопутствующая ей предметность, а также невербальные средства коммуникации, поскольку они воспринимаются собеседниками непосредственно (в отличие от вербальных, воспринимаемых опосредованно). В таких обстоятельствах особенно важен тот факт, что в осознании не вербального, а “предметного” материала участники коммуникативного процесса опираются на свою культурную базу.

Переходя к теме застолья, вспомним, что еда представляет собой один из важнейших компонентов культуры, информационно насыщенный концепт, обладающий богатейшей символикой. Считаем необходимым оговорить, что японская пищевая культура имеет глубокие корни в мифологии. Еда для древних японцев была не только способом утолить голод, но и своеобразным культурным элементом, о чем свидетельствует наличие в японском пантеоне богов целого ряда божеств, связанных с культурой пищи. Не имея целью проводить исследование японской мифологии, укажем лишь некоторых из них. Вакаука-но мэно микото – “юная дева – повелительница еды”, божество еды, прежде всего приготовленной из злаков”, отождествляемая исследователями (по мнению Л.М.Ермаковой) с Тоёука-но мэно микото (“Дева – повелительница богатой еды”) [9, с. 208], Ука-но митама-но ками (“божество священной души еды”) [9, с. 208]. Боги риса (Митоси-но ками) – Кокутоси-но ками, Митоси-но ками, Вакатоси-но ками, Оомитоси-но ками (Великий бог урожая) [9, с. 201]. Обряды: Церемония Дзингондзки (священной еды) [9, с. 210], Нинамэ (вкушения первого урожая), праздник Ооими в Хиросэ, посвященный богине еды, “сакэ по обету” (укэидзакэ) и т.п.

Мы рассмотрим трапезу как **ситуацию общения**. Основанием для такого подхода полагаем историко-мифологические корни концепта трапеза и функции трапезы. Как отмечают исследователи А.К.Байбурун, А.Л.Топорков, “трапеза является центральным эпизодом не только ритуала приема гостя, но и множества других ритуалов и праздников. Совместное принятие пищи, помимо утилитарной, имеет целый ряд иных функций; оно скрепляет социальные связи, представляя собой “магический консолидирующий акт”, “в высшей степени актуальную”, “богоудобную” форму социальной связи” [1, с. 133]. И.Н.Фалалеева отмечает, что пир в Древней Руси выполнял функцию “поддержания престижа власти, выражения меры согласия общества на подчинение ей” [10, с. 104]. Там же исследователь отмечает: “Исконный смысл пиров и общих трапез ясно выражен в том их наименовании, которое сохранилось в летописи, – это “братчина”. Люди, участвующие в общей трапезе и сидящие за одним столом, объединены особыми узами – это свои, родные люди” [10, с. 104]. Как

видим, одна из важнейших функций трапезы – освоение “чужого”. Однако наряду с этим “пиры выполняли и другие важнейшие функции – утверждения или повышения социального статуса и личного престижа. По мере нарастания социальной дифференциации в обществе место, занимаемое во время застолья, стало служить одним из главных индикаторов политической иерархии среди принимающих участие в трапезе. Статусная власть как раз и проявляет себя в первую очередь в контроле над ресурсами и регулировании их использования” [10, с. 106]. Таким образом, трапеза выполняет не только утилитарную функцию, но имеет, наряду с ней, и гораздо более важные задания.

О значении совместной трапезы для взаимоотношений говорит на обеде японский чиновник: *“Мы приехали из-за многих сотен, — начал он мямлить, — а вы из-за многих тысяч миль; мы никогда друг друга не видали, были так далеки между собою, а вот теперь познакомились, сидим, беседуем, обедаем вместе. Как это странно и приятно!”* [2, с. 163]. Мнение его было вполне разделено и русскими: *“Мы не знали, как благодарить его за это приветливое выражение общего тогда нам чувства. И у нас были те же мысли, то же впечатление от странности таких сближений. Мы благодарили их за прием, хвалили обед”* [2, с. 163].

Как видим, совместная трапеза рассматривается японцем как знак сближения. Обед выступает символом близости людей друг к другу, контрастируя с отдаленностью: *“мы ... **были так далеки между собою, а вот теперь познакомились, сидим, беседуем, обедаем вместе**”* [2, с. 163]. Отметим, что данное восприятие совместной трапезы в полной мере разделяется и русскими.

Описывая обстановку первой совместной трапезы, автор придает ей черты нереальности: *“Глаз и мысль не успели привыкнуть к новости зрелища. Мне не верилось, что всё это делается наяву. В иную минуту казалось, что я ребенок, что няня рассказала мне чудную сказку о неслыханных людях, а я заснул у ней на руках и вижу всё это во сне. Да где же это я в самом деле? кто кругом меня, с этими бритыми лбами, смуглыми, как у мумий, щеками, с поникшими головами и полуопущенными веками, в длинных, широких одеждах, неподвижные, едва шевелящие губами, из-за которых, с подавленными вздохами, вырываются неуправляемые для нашего уха, глухие звуки? Уж не древние ли покойники встали из тысячелетних гробниц и собрались на совещание? Ходят ли они, улыбаются ли, поют ли, пляшут ли? знают ли нашу человеческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли в долгом сне, как живут люди? Что это за дом, за комната: окна заклеены бумагой, в комнате тускло и сыро, как в склепе; кругом золоченые ширмы с изображением аистов — эмблемы долголетия? Крышу поддерживает ряд простых, четырехугольных, деревянных столбов; она без потолка, из тесаных досок, дом первобытной постройки, как его выдумали люди. Где же я?”* [2, с. 157–158]. И это очень важный для нашего исследования момент, поскольку отражает степень отчужденности Японии, ее отдаленность от русского человека. Это метафорическое изображение японцев как представителей

иного мира – “древних покойников”, как видим, содержит противопоставление русских, олицетворяющих для автора норму, “своих” людей, и японцев, которые сравниваются с “мумиями”, издадут “неуловимые для нашего уха, глухие звуки”. “Нас попросили отдохнуть и выпить чашку чаю в ожидании, пока будет готов обед. Ну, слава Богу! мы среди живых людей: здесь едят” [2, с. 158]. В данном случае мы также можем наблюдать отголоски представлений о еде как о средстве приобщения к “своим”, “живым”. Здесь актуализируется один из наиболее значимых элементов трапезы – включение в социальную общность.

“На другой день, 5-го января, рано утром, приехали переводчики спросить о числе гостей, и когда сказали, что будет немного, они просили пригласить побольше, по крайней мере хоть всех старших офицеров. Они сказали, что настоящий, торжественный прием назначен именно в этот день и что будет большой обед. Как нейти на большой обед? Многие, кто не хотел ехать, поехали” [2, с. 175].

Автор называет трапезу у японцев “прием”, “обед”. Согласно словарю В.И.Даля, слово “обед” трактуется как “обеденный стол, пища, блюда, выть (“выть” – “пора, час еды” [3, с. 322]), и все, что к тому идет...” [4, с. 639], что отражает утилитарную функцию трапезы, а также как “гостьба, хлебны” [4, с. 639] (“гостьба” – “угощение, пирушка, погулка, вечеринка” [3, с. 386]), “хлебны” – “стол у родителей новобрачной, на третий день по свадьбе, прощальный стол” [6, с. 549]. Таким образом, становится очевидным, что понятие “обед” осмыслится русским человеком не только как прием пищи, но и акт общения.

“Большой обед” – важный элемент общения, риторический вопрос автора – *“Как нейти на большой обед?”* – и отношение к нему других членов экипажа – *“Многие, кто не хотел ехать, поехали”* – подчеркивает его важность. *“Большой обед”* – не только характеристика количества потребляемой пищи, но и маркер значимости общения. Таким образом, уровень трапезы (включающий в себя и дороговизну, и количество пищи, и качество обслуживания, и социальное положение хозяев и гостей) является значительным статусообразующим элементом коммуникативной ситуации, соответственно – высокий уровень трапезы – большое значение коммуникативной ситуации в целом.

“Прощальный обед у полномочных был полный, хороший” [2, с. 191]. Характеристики *“полный”* (“полный” – содержащий в себе все должное, в чем установленный счет, весь, мера сполна, без ущерба и недостатка [5, с. 262]), *“хороший”* отражают уровень трапезы, а потому накладывают отпечаток на процесс общения.

“После обеда подали “банкет”. Конфеты так и блестили на широкой тарелке синего фаянса. И каких тут не было! желтые, красные, осыпанные рисовой пылью, а всё есть нельзя. Всё это завернули вместе с тарелкой и отослали к нам: Фаддееву праздник!” [2, с. 191]. Словарь В.И.Даля определяет “банкет” как “пир, стол, столованье, большой званый обед, ужин” [3, с. 46]. Само понятие банкет предполагает особое этикетное поведение – несмотря на красоту – *“Конфеты так и блестили”* – и разнооб-

разии – *“И каких тут не было! желтые, красные, осыпанные рисовой пылью”* – подаваемого угощения, этикет не предполагает их употребление в пищу в данное время и в данном месте – *“а всё есть нельзя”*, согласно японскому этикету.

И.А.Гончаров низко оценивает вкусовые качества японской еды, однако большее значение придается самой трапезе как событию: *“Они сказали, что настоящий, торжественный прием назначен именно в этот день и что будет большой обед. Как нейти на большой обед? Многие, кто не хотел ехать, поехали”* [2, с. 175].

Необходимо особо подчеркнуть, что статус ситуации общения определяется, прежде всего, статусом основных ее участников. Отметим, что в ситуации трапезы всех присутствующих, исключая прислугу, можно разделить на принимающую и принимаемую стороны. И важную роль здесь играют как личности сторон, так и их статусное соответствие: *“Они стали все четверо в ряд — и мы взаимно раскланялись. С правой стороны, подле полномочных, поместились оба нагасакские губернатора, а по левую еще четыре, приехавшие из Едо, по-видимому, важные лица. Сзади полномочных сели их оруженосцы, держа богатые сабли в руках; налево, у окон, усажены были в ряд чиновники, вероятно тоже из Едо: по крайней мере мы знакомых лиц между ними не заметили”* [2, с. 155].

В ситуации с японской трапезой наиболее важными персонами были: *“нагасакские губернаторы”* (“начальник губернии” [3, с. 405]), *“полномочные”* (“посол” [5, с. 263]), *“чиновники”* (“служащий государю и жалованный чином” [6, с. 605]), то есть особы, социальный статус которых был достаточно высок.

Называя японцев вельможами (согласно словарю В.И.Даля, “вельможа” – это “особа знатного рода и звания, либо высокого сана” [3, с. 177]), И.А.Гончаров определяет их высокое положение на социальной лестнице: *“Я обедал в этот день у японских вельмож!”* [2, с. 151].

Способ принятия пищи играл важнейшую роль в пищевой культуре. Японцы сидели на полу, а еду ставили на подставки. Для русских соблюдение данной традиции было неприемлемым как с точки зрения удобства, так и ввиду культурных норм. Необходимо упомянуть, что у “восточных и западных славян вкушение пищи за высоким столом воспринималось как черта правильного, христианского поведения. Соответственно в целом ряде обрядов, имеющих языческое происхождение, полагалось есть на земле, на полу, на могиле, превращенной в своего рода стол, и т.д.” [1, с. 124]. Таким образом, можно с большой уверенностью предположить, что манера принятия пищи была не только важным элементом трапезы, но и культурным маркером, влияющим на весь процесс общения. Одним из свидетельств в пользу данного мнения можно считать слова самого И.А.Гончарова, писавшего о том, что ради присутствия на японском обеде он готов был действовать согласно нормам японской культуры, то есть сидеть на полу: *“Впрочем, я, пожалуй, не прочь бы и сапоги снять, даже сесть на пол, лишь бы присутствовать при церемонии”* [2, с. 37]. Отметим, однако, что сидение на полу воспринимается автором “Фрегата Паллада” как исключительное обстоятельство, что выражается

в использовании И.А.Гончаровым сослагательного наклонения в сочетании с союзом “и” – “не прочь бы и”, а также наречия “даже”.

Здесь мы рассмотрим только продукты, обладающие особым знаковым статусом, поскольку более детальное освещение не входит в задачи нашей статьи.

Говоря о продуктах, вспомним, что каждый народ имеет свой набор продуктов, обладающих особой символикой и представляющих собой этнокультурный знак. Для русских такими культурно значимыми продуктами-символами были хлеб и соль [1, с. 142–143]. Хлеб и соль представляют собой особые знаки русской этнокультуры, это не просто продукты, это – особые символы. Хлеб у славян был “наиболее сакральным продуктом” [1, с. 141]. “Вторым по сакральности продуктом после хлеба у русских была соль” [1, с. 143]. Автор пишет об отсутствии у японцев хлеба и соли: “Ну-ка, что в этой чашке?” — *шепнул я соседу, открывая чашку: рис вареный, без соли. Соли нет, не видать, и хлеба тоже нет*” [2, с. 160]. Заметим, что автор “замечает” отсутствия только двух продуктов на японском столе, а принимая во внимание существенные отличия в русской и японской пищевых культурах, можно с уверенностью сказать, что количество отсутствующих традиционных атрибутов русской трапезы было значительно больше. Однако именно отсутствие хлеба и соли особо отмечается автором.

Таким образом, видим, что И.А.Гончаров указывает отсутствие двух наиболее важных в русском сознании продуктов. Автор отмечает недостаток хлеба и отмечает непривычность приема пищи без него: “Если б ко всему этому дать хлеба, так можно даже наесться почти досыта. Без хлеба как-то странно было на желудке: сыт не сыт, а есть больше нельзя” [2, с. 163]. Оговорим, что схожим по значимости продуктом для японцев являлся рис. “Пока мы ели, нам беспрестанно подбавляли горячего риса” [2, с. 162].

Интересно приводимое И.А.Гончаровым мнение своего денщика о японской кухне: “Фаддеев, бывший в числе наших слуг, сказал, что и их всех угостили, и на этот раз хорошо. “Чего ж вам дали?” — спросил я. “Красной и белой каши; да что, ваше высокоблагородие, с души рвет”. — “Отчего?” — “Да рыба — словно кисель, без соли, хлеба нет!” [2, с. 165] Отзывы его о вкусовых качествах отрицательны: “с души рвет”. Одной из главных причин такой оценки становится именно отсутствие хлеба и соли. Таким образом, можем сделать вывод о том, что в трапезе наибольшее значение придается не столько вкусовым качествам пищи, сколько знаковым продуктам.

Выводы к нашей статье можем сформулировать таким образом.

Понятие трапезы восходит к заре человеческого общества и имеет глубокие корни в мифологии и культуре народа, что оказывает существенное влияние на восприятие трапезы. Знаковая сторона трапезы имеет значительно большее значение, нежели утилитарная.

Совместное принятие пищи в большой мере воспринимается как освоение чужеродного, а потому рассматривается как японцами, так и русскими как знак обличения. Уровень трапезы (включающий в себя и дороговизну, и количество пищи, и уровень обслуживания, и социальный статус хозяев и гостей) является значительным статусобразующим элементом коммуникативной ситуации, соответственно – высокий уровень трапезы – высокий статус, значение коммуникативной ситуации в целом.

Способ принятия пищи, а именно положение за столом играет важнейшую роль в пищевой культуре народа и также оказывает значительное влияние на восприятие процесса коммуникации.

Каждая культура обладает набором ритуально значимых продуктов, их наличие-отсутствие влияют на восприятие и пищи, и трапезы в целом.

Литература

1. Байбурин А. К. У истоков этикета : этногр. очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков ; АН СССР. – Л. : Наука. Лен. отд-ние, 1990. – 167 с.
2. Гончаров И. А. Собрание сочинений : в 6 т. / И. А. Гончаров. – М. : Правда, 1972. Т. 2. – 467 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Владимир Иванович Даль. – [4-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. Т. 1: А–З. – LXXXVIII, 699, [9] с., 4 с. илл.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Владимир Иванович Даль. – [4-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. Т. 2 : И–О. – 683, [3] с., 1 портр.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Владимир Иванович Даль. – [4-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. Т. 3 : П. – 555, [3] с., 1 портр.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Владимир Иванович Даль. – [4-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. Т. 4 : Р–V. – 773, [3] с., 1 портр.
7. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики / П. Н. Донец. – Х. : Штрих, 2001. – 384 с. – Библиогр.: с. 353–384.
8. Норито. Сэммё / Норито ; пер. со старояпонского Л. М. Ермаковой. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. – 299 с. – (Памятники письменности Востока. ХСVII).
9. Фалалеева И. Н. Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв. / И. Н. Фалалеева. – Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2003. – 164 с.